

его повестях и рассказах.

Источники и литература

1. Боборыкин П.Д. Сочинения в 12 тт. – СПб.; М.: Издательство товарищества М.О. Вольфа, 1885–1887. В тексте даны ссылки с указанием тома и страницы.
2. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л.: Советский писатель, 1971. – 464 с.
3. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.
4. Кедрин З.С. Искусство писать рассказы (в помощь юным писателям). – М.: Знание, 1944. – 31 с.
5. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. – М.: Художественная литература, 1972. – 543 с.
6. Страхов И.В. Психологический анализ в литературном творчестве. – Саратов: Изд-во СГПИ, 1974. – 59 с.
7. Щерблякин С.И. Художественное новаторство романа П.Д. Боборыкина «Жертва вечерняя»: Учеб. пособие по спецкурсу. – Пенза: Изд-во ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2005. – 53 с.

Попова С.Н.

СОЗВУЧНОСТЬ МОТИВОВ НОЧИ В ПОЭЗИИ Г. Гессе и М. Волошина (к 130-летию со дня рождения Г. Гессе и М. Волошина)

Целью статьи является анализ стихотворений, содержащих мотивы ночи в поэзии Г. Гессе и М. Волошина.

В **проблему** включаются переплетение лиричности, созвучность чувства и образов поэтов, открываемые читателю пути «рождения в духе» и «преосуществления» личностного «Я», восхождение от одиночества к сопричастности к пути познания «избранных», «Auserwählten». Как известно, поэтическое наследие Г. Гессе, по подсчету всемирно известного немецкого гессоведа Фолькера Михельса, насчитывает 1400 стихотворений. Однако наш анализ проводился по изданию 2001 г., включающему 781 стихотворение поэта [1].

Был составлен перечень стихотворений, в названии которых присутствуют слова „Nacht“ – ночь и „nächtlich“ – ночной в хронологическом порядке (всего – 39 стихотворений). Поскольку существительное „Traum“ в немецком языке имеет два значения: 1. сон 2. мечта, в анализ включены также стихотворения, в названии которых Traum употреблено в первом значении (всего – 6 стихотворений). Кроме того, Гессе обращается к образу ночи и в стихотворениях, не имеющих в названиях слов Nacht и Traum, и не только в таких, как „Schlaflosigkeit“ – „Бессоница“ (2 стихотворения с одинаковым названием, написанные в ноябре 1907 г. и в апреле 1908 г.), непосредственно соприкасающихся со временем ночи и состоянием поэта, но и в других, тематически иных, в тексте которых встречается слово «Nacht».

Впервые поэт пишет о ночи 8 октября 1897 г., в 20-летнем возрасте, и называет стихотворение «Eine Stunde hinter Mitternacht» («Час после полуночи»). [1, с.30] Стихотворение состоит из четырех пятистрочных строф. В нем звучит мотив «Я – не такой, как все», «я – избранный для Посвящения», что подтверждается состоянием поэта, лишенного сна, когда «Keine einzige Menschenseele wacht» – («ни одна живая душа не бодрствует»). Гессе употребляет композитум Menschenseele, а не просто Mensch, хотя это и не нарушило бы ритм стиха, подчеркивая этим, что ночь – это Царство духа. Перед мысленным взором поэта – «ein weißes Schloss» («белый замок»), наполненный только ему предназначенными видениями, быстротечность которых он понимает, говоря, что они у него как бы «zu Gast» («в гостях»). Ночь пройдет и уступит место «суровой жизни» («das strenge Leben»), которой поэт обязан служить, брошенный под ее иго «Ins Joch geplagt». Так ощущает Гессе земную жизнь в тот период.

Следующим годом (1898) датируется его стихотворение «Italienische Nacht» («Ночь в Италии») [1, с.81], которым поэт как бы хочет подчеркнуть, что «Geist» («дух») в ночи не покидает его нигде, где бы он ни находился. Вновь звучит тема «одиночества», «Einsamkeit», сравниваемого с одиночеством луны, но добавляется ощущение трепета в сердце «mein zitternd Herz», с которым поэт «fiebernd» («объятый жаром»), «mit Qual und Lust» («с муками и желаниями»), ожидает, когда его «Geist» («дух») будет в радостном созвучии (у Гессе – «lächelnd» «с улыбкой») с ритмом биения его сердца.

Можно предположить, что 1900 – 1902 гг. – особо значимые на пути совершенствования плоти поэта Царствием духа, на пути изменения и расширения сознания, познания Мироздания Германом Гессе, т.к. в эти годы он посвящает мотивам ночи 9 стихотворений: «In der Nacht» (1900), «Nacht» (1901), «Nacht im Oderwald» (1901), «Und jede Nacht derselbe Traum» (1901), «Traum» (1901), «Waldnacht» (1902), «Nachtgang» (1902), «Verwölkte Nacht» (1902), «In der Nachtherberge» (1902) (по аналогии с волошинскими ощущениями следует перевести как: «В чреслах ночи»). М. Волошину «Рождение в Духе» даруется, как он пишет в своей автобиографии, в 1900 г., а первые стихотворения для сборника он создает в 1903 г. [2, с.30].

Вернемся к тематическому обогащению содержания стихотворений Гессе, написанных в 1900 – 1902 гг.

В стихотворении «In der Nacht» [1, с. 115] появляется мысль о друге, подаренном ему на очень короткое время судьбой, но незнакомом ему, т.к. Гессе употребляет неопределенное местоимение «einer»: «...einer, der zum Freund mir war bestimmt, / jetzt fern im Meer ein dunkles Ende nimmt». И поэт пробуждается от мысли о смерти этого неизвестного друга, который погружается в далеких глубинах моря в небытие. Поэт явственно чувствует, что он был не один.

С волошинским «Не весь я рожден тобой» [2, с. 156] у Гессе переключается дума о матери «die mich

nimmer kennt». В этом предложении презенс приобретает футуральное значение: «которая меня никогда не узнает; не узнает мою суть; не узнает, каков мой путь». В стихотворении «Материнство» [2, с. 156] Волошин пишет о том, что как-будто слышит вопрос своей матери: «Имя свое скажи мне. Кто ты? Назовись», а у Гессе мать в его сне называет его имя.

В стихотворении «In der Nacht» Гессе как бы знает об алом северном сиянии, которое невидимо для всех разливается в местах, неведомых даже ни одному моряку. Здесь – тема таинства того, что происходит с поэтом, что чувствует он в ночи, что он **не видит, но знает**.

В стихотворении «Nacht im Odenwald» [2, с.180] – внезапное, сначала непонятное поэту пробуждение в полночь, когда кругом – тишина, ни дуновение ветерка, а у него – странное чувство боли в сердце в полусне. Не помня сновидения, из груди вырывается рыдание, и он понимает, что пока он спал, беззвучно прошло под водительством «Верховных сил» испытание плоти огнем любви, т.к. поэт дважды повторяет слово «bleich»: «der bleiche Himmel», что означает не «бледное небо»: ведь небо ночью темное, а сияющую белую бескрайность Поднебесья и «ging **bleich und stumm** der alten Liebe Schatten um». У Волошина – «... и **глухо** точит пламя...» [2, с. 94]. Эти последние строчки поверяют читателю, что жар боли – любви для поэта уже привычен и он уже не «безжалостен» (М. Волошин) «... алмазность пытки затая... в **безбольном холоде зари...**» [2, с. 111], а беззвучно таинственный в достижении созвучной гармонии ритма вселенной и ритма биения сердца поэта, что необходимо для изменения – расширения сознания.

Таинство происходящего в ночи Гессе метафорически объединяет с необычным поведением «жителей» в земле – червей: «Glühwürmer staunen», которые «удивляются; полные удивления» и «обитателей» Поднебесья – птиц, выделяя из них тоже одну, далекую, которая скрипичными звуками играет на флейте: «Ein ferner Vogel geigt auf einer Flöte». Сам же поэт в это время «vor dem Geist der Nacht **erröte**». – «объят жаром пред духом ночи», (а **не** дословно: краснеет). Поэт поверяет о «der gelbe Schmerz», где «gelb» означает не «желтый», а «лунный», и эта «лунная боль» – боль, через которую «избранные» проходят, чтобы освободиться от влияния луны, пронизывает сердце как «eine stumpfe Säge» – «тулая пила». Сравним у Волошина в посвящении А.М. Петровой: «И чувствовать, как **плуг**, вонзившийся глубоко в живую плоть, ведет священный путь» [2, с. 109]. Избранность поэта, отличие его пути «очищения, гармонизации плоти» у Гессе во фразе: «Я думаю о тех, кто проспал в тени», т.е. тех, кто лишен эксплицированных ощущений: «Ich denke derer, die im Schatten schliefen». В глубинах же плоти поэта – уже **благостная** боль – Wonne, т.к. он «отдает влиянию Луны «крылышки носа» – «Ich geb' dem Monde einen Nasenstüber». Это очень важно, т.к. подчеркивается, что дух и сознание Гессе – уже на более высокой ступени «Всемирный дух» («der Weltgeist») совершенствует его головной мозг, ибо нос – это орган дыхания и своего рода средоточие различных способов восприятия окружающего. Вспомним, как нос изображается на православных иконах Святых. У Волошина читаем: «...рвет живые звенья, которыми связует нас Луна» [2, с. 189], «Желанный луч с собой принес такие **нежные**, мучительные ласки...» [2, с. 89]. А Гессе восклицает: «О, несказанная благодать... ощущать такие муки!» Последняя строка стихотворения «Nacht im Odenwald» уже начинает тему «странствий по Вселенной» в ночи. – «...stumm zu herrschen über violette Weiten!!!». В «Ночном марше» («Auf einem nächtlichen Marsch» [1, с. 301] Гессе ощущает единение с Братством из далеких миров, которое подает знак душе и зовет «к золотым ступеням», к Солнцу, где невластно земное время. Самому этот путь не пройти, пишет поэт, т.к. только Бог ведет к свету, который он откроет поэту, помогая преодолеть «темный путь» («путь сквозь тьму»). Вспомним, что в стихотворении «Любимые боли» [1, с. 593] Гессе пишет о «темных потоках моей крови» («dunkle Wogen meines Blutes»). А у Волошина читаем, например: «Да не взбунтует **мятежная** кровь!» [2, с. 414].

Об очищении потоков крови (дословно: «игра в венах» на «последней границе (границе) сознания», где «не дремлет дух», Гессе пишет в стихотворении «Schlaflosigkeit» написанном после стихотворения с тем же названием. «В молчаливой пытке», т.е. пытке, о которой не знают «непосвященные», тысячи нервов прислушиваются к каждому тайному знаку – чувству, давая ответ на каждое движение ночи напряжением боли – это путь полета к неведомым мирам. Вновь проведем параллель с Волошиным: «...Чем дух сильней, тем глубже боль и сжатей...» [2, с. 188].

В трех стихотворениях с одинаковым названием «Sommernacht» («Летняя ночь», написанных Гессе соответственно в 1909, 1910 и 1918 г., прослеживается постепенно достигаемая степень внутренней гармонии. В 1909 г. он молит ночь позволить ему испить до конца чашу желаний, которая «насытит» его («sättigt») и в конце концов приведет к внутреннему покою, без которого немислимо Познание («stille macht»). У Волошина – «Сосредоточия и алтари высоких иерархий – в музыкальном согласии» [2, с. 393]. В 1910 г. – как и у Волошина «...вечность зыблется ритмичными волнами» [2, с. 211] – у Гессе: «Stürzende Wogen halten mich eingeschlossen», но еще с ощущением жара плоти, а в 1918 г. – «свет луны сияет **прохладно** и доверительно» – «glänzt Mondlicht kühlvertraut». В третьем стихотворении уже звучит объединение летней ночи со звездами – и тогда сердце охватывает желание странствий в неведомые дали по пути ночи и звезд, которые для поэта уже не так далеки и неподвижны: «halbverhangene Sterne» [1, с. 8].

В стихотворении «Erwachen in der Nacht» (1919) [1, с. 438] Гессе уже предчувствует новые видения. Волошин пишет, что в ночи, когда в нем замирает Дух, он «знанием новой истины объят» [2].

Изменения плоти, которое ведет к расширению сознания – это великая тайна «Посвященных», «der Eingeweihten». Открывать ее читателю полностью не позволено, поэтому слово stumm (дословно: немой, в немоте) очень часто встречается в стихотворениях Гессе: die stumme Finsternis – «немой мрак», die stumme Wanderung – здесь уже иной смысл: «таинственное странствие». В стихотворении «Nachtgang» – «Движение ночи» звучит тема «Я – не один», «нас – двое», но мы слиты воедино для таинственного странствия, и

оба не знают, в какие миры. Дух Святой творит «Schweigende Schlösser» «молчаливые дворцы» (дворцы, полные молчания), т.к. там, где «и хвост черта», и «благие свечи» – нет звуков. И тогда душа возвышается над действительностью, чтобы погрузиться в собственное «я», уже «преосуществленное», обьятое «новым счастьем» познания.

Аллегория «Mein Schlips sitzt schräge» «Мой галстук сдвинут» идентифицируется с тем, что поэт **знает** о работе – помощи Всеминого Духа, не прекращающейся и днем. Это не совпадает с общепринятым убеждением, что днем с человеком ничего не происходит под влиянием Верховных Сил.

Проанализируем стихотворение Гессе «Kranken-Nacht», написанное в 1941 г. и стихотворение Волошина «Заклинание», написанное в 1929 г.

Все звуки, которые слышал Гессе, все картины, которые дарили Боги, все люди, в глаза которых он всматривался – все оживает в бессонной ночи (schlaflosen Nacht). И все часы любви и торжества Духа стали видимыми образами, которые ведут поэта по пути к Богу. Молчание – «не приторно», а наполнено радостью. Затем все исчезает, оставляя глубокую тишину (tiefe Stille) и в плоть доверительно возвращаются боли, которые поэт уже называет («знакомыми попутчиками») «vertraute Gefährten». И в глазах поэта после пережитого и увиденного в странствии и «встречах» еще долго – необычный блеск и сияние «Gefunkel».

У Волошина последовательно перечисляются этапы работы «ночного «Я», что правит нашим телом». «Все органы твои работают исправно: Ход **вечности** отсчитывает сердце ... Нервы отчетливы, выносливы и чутки...».

Выводы:

1. Оба поэта – «избранные», все годы ощущающие с момента «Рождения в Духе», ночами, с периодичностью, ведомой лишь Верховным Силам, изменения плоти и сознания: от нестерпимой огненной боли, холода до благостных процессов для достижения в ночи биения сердца в ином ритме – ритме Вселенной.

2. Непозволение раскрывать таинства этого преосуществления, расширения сознания полностью, поэтому у Гессе и Волошина – «зашифрованность» в похожие образы и аллегории.

3. В начале пути тема одиночества, затем: «мы» и на земле, и с братьями из далеких миров.

4. Наконец, достигаемая возможность странствий по Вселенной, следовательно, знания о Мироздании.

Источники и литература

1. Hesse H. Die Gedichte. – Frankfurt / Main: insel taschenbuchverlag, 2001. – 848 с.
2. Волошин М. Стихотворения и поэмы. – Санкт-Петербург: Наука, 1995. – 702 с.

Приходна Н.С.

СТРУКТУРНО-ГРАМАТИЧНІ МОДЕЛІ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ РОМАНУ О. Гончара „Собор”

Проблема художнього мовлення є однією з актуальних проблем філологічної науки. Необхідно будувати вивчення образних засобів літератури на власне лінгвістичному ґрунті тому, що будівельним матеріалом літератури є мова. „Посилення інтересу науковців до проблем лінгвістики тексту зумовлює необхідність розгляду питань, пов'язаних з функціями і текстотворчими можливостями фразеологічних одиниць у художніх текстах” [6, с. 1].

Олесь Терентійович Гончар – відомий письменник і громадський діяч. Його високо гуманістичні твори вражають глибиною і масштабністю мислення. Письменника турбує не тільки доля рідної України, а і доля всього людства. Любов Олесь Гончара до українського слова дивує і захоплює, змушує замислюватися над ним, кличе всіх небайдужих боротися за нього. Недаремно письменника називали совістю нації, бо саме совість таких людей береже та збагачує рідну мову. „Цвіт народного слова й подих доби поєдналися в його творчості. Це мова глибоко народна і разом з тим дуже сучасна. Найдавніші шари української лексики і найновіші слова епохи НТР взаємодіють у ній” [3, с. 57]. Отже, поєднання різностильових елементів, їх контрастне зіткнення є характерною ознакою індивідуального стилю О. Гончара. Твори Олесь Гончара, зокрема роман “Собор”, надзвичайно цікаві в лінгвістичному плані, завдяки багатству мови письменника і використанню найрізноманітніших мовних засобів, у тому числі фразеологічних одиниць.

Функціонуванню ФО у текстах різних стилів присвячені роботи Л. Г. Авксентьева, М. П. Коломійця, А. П. Супрун, В. Д. Ужченка, Т. В. Цимбалюк та інших вчених. Мова і стиль художніх творів О. Гончара були предметом дослідження в працях М. І. Братан, В. М. Галич, І. С. Гнатюк, С. І. Головашука, М. Т. Демського, Г. М. Колесника, Ю. Ф. Прадіда, Н. М. Сологуб, О. А. Стінова та ін. Проблеми використання О. Гончаром фразеологічних засобів мови розглядалися у дослідженнях Л. Ф. Щербачук.

Актуальність нашого дослідження визначається потребою подальшого вивчення функціональних можливостей фразеологізмів у художніх текстах, а також необхідності структурно-граматичного аналізу ФО роману О. Т. Гончара “Собор”.

Мета дослідження полягає в описі структурно-граматичних особливостей фразеологізмів у романі О. Гончара “Собор”.

Структурно-граматичні типи фразеологізмів української мови вивчені недостатньо. Як зазначає Л. Г. Авксентьев, „бракує спеціальних монографічних досліджень, а ті праці, в яких питання структури характеризується, не охоплюють усіх сторін багатого і своєрідного фразеологічного матеріалу. Крім того, при аналізі структури фразеологізмів авторами неоднаково визначається сам предмет дослідження і подаються різ-